

Сергей Безруков: Я готов сняться в «Бригаде-2»

«Номера в гостиницах теперь дают подороже»

— Михалков — единственный, кто оценил Сашу Белова?

— Нет, конечно. Например, Жванецкий, Хазанов, чье мнение я очень уважаю, подходили, хвалили.

— А из киношников?

— Хотиненко сразу позвал в новую картину, хотя мы с ним были давно знакомы. Правда, сыграть у него не смог, а вот у Рязанова снялся. Для меня важен этот момент роста. Люди должны посмотреть на меня новыми глазами.

— Но у Рязанова опять ведь комедия. Повторение пройденного?

— Думаю, нет. То, что видел, позволяет на это надеяться. Играю профессора орнитологии и грим использую такой, что узнать меня совершенно невозможно. Смешно должно получиться.

— Последние фильмы Эльдара Александровича были, прямо скажем, малость не того...

— Но те картины Рязанов снимал про сегодня, а эта даже не про вчера. События происходят в начале двадцатого века. Все очень стильно, красиво... Впрочем, что спорить? Давайте дождемся премьеры и тогда решим.

— А у «Бригады» будет продолжение?

— Вопрос не по адресу. Знаю, что сценария пока нет, Леша Сидоров, режиссер, вторую часть снимать не хочет, резонно рассуждая, что копия всегда хуже оригинала. «Брат-2», «Менты-3» — это все мы уже проходили. Зачем себя разминивать? Косить капусту, пока есть спрос? Готов сниматься, если планка в картине не опустится, а только поднимется. Мне интересно было бы сыграть перерождение Саши Белова, посмотреть, кем он станет в нынешних условиях. Ведь если говорить строго, мы делали картину не о романтике бандитских отношений, а о потерянном поколении.

— Ваша ставка после «Бригады» поднялась, платить стали больше?

— В антрепризе гонорар чуть повысили, а в театре все осталось по-прежнему. Там учитывают не популярность у народа, а звание: заслуженный — получаю одну сумму, народный — другую... Нет, в деньгах все изменилось не так ощутимо, скорее иным стало отношение. Особенно это чувствуется в поездках по стране. Встречают помпезнее, в гостиницах номера заказывают подороже, словом, принимают по более высокому рангу. Да и дома, в Москве... Теперь могу не то чтобы ставить условия, но высказывать пожелания. Если раньше приходилось подстраиваться под репертуар, то теперь с моим мнением считаются. В театрах ведь понимают: Безруков приносит реальную прибыль, все билеты на его спектакли раскуплены давно и надолго. Молодежь, выбравшая Белого на роль нового кумира и отродясь не переступавшая театральный порог, теперь жаждет увидеть меня и на сцене.

— Но там ведь Белова нет. Не хорошо людей обманывать.

— Никто и не обещал показать еще одну копию «Бригады». Зачем мне тиражировать образ? Это актерская лажа. Если пришли, пусть посмотрят на другого Безрукова. Может, он им тоже понравится. Но дело даже не в этом. Ребята познакомятся с героями, которых я играю. Они полюбят не Белого, а Пушкина, Моцарта...

— Полагаете, прежде эти фамилии им слышать не приходилось?

— А вы любопытства ради спросите у 16-летних, что они знают об Александре Сергеевиче? Услышите в ответ какую-нибудь банальность типа «Пушкин — наше все». Все — это ничего. Самые продвинутые, может, процитируют строчки из школьной программы. Если человеку за сочинение по «Капитанской дочке» поставили

«парашу», он эту книжку никогда больше не возьмет в руки, она вызывает у него раздражение и отторжение.

«Мечтаю о новой машине, но пока не могу себе этого позволить»

— А вы что получали в школе по литературе?

— Пятерки. Всегда! Когда я стихи читал, преподаватели меня в пример ставили. Уже тогда был актером. И сейчас играю на сцене живого человека, со страстями, эмоциями, переживаниями... Знаете, я человек не богемный, в свете практически не бываю, нигде не тусуюсь, меня это все не забавляет, мало интересует. И повышенное внимание к собственной персоне раздражает. Сегодня не могу спокойно ходить по улицам, должен надвигать на лоб кепку, прятать глаза за темными очками. Безумный ажиотаж! Эффект телевидения. За мной следят, мои слова ловят. Невольно начинаешь строже себя контролировать, задумываться над смыслом произносимого. Нельзя соврать, сфальшивить. Вот сейчас много рассказывал вам, как важно для меня дело, которым занимаюсь, но при этом могу признаться, что живу не ради денег и даже не ради работы.

— А для чего?

— Ради удовольствия.

— Его можно купить. Если есть на что.

— Не лукавьте, вы же знаете: не все продается и покупается. Внешне моя жизнь после «Бригады» мало переменялась. Скажем, езжу на том же подержанном «Фольксвагене». Хотел бы приобрести новую машину, но пока не могу. Нет, живу нормально, но не шикарно. Впрочем, заоблачные выси меня и не манят. Пример Саши Белого убеждает: тише едешь — спокойнее спишь. Во время съемок «Бригады» я и в роскошных особняках пожил, и на шестисотых «Мерсах» покатался. Ну и что? Чужого нам не надо, своего хватает, хотя, к слову, костюм,

Мне пришлось покупать две квартиры на одной лестничной клетке. Мы их объединили, и часть жилья теперь принадлежит Андрею. На этом настаивал его отец. Я подчинился.

который сейчас на мне, из «Бригады». После фильма так и остался в подарок. Но не надо думать, будто я прибрахлился за счет российского телевидения. Во-первых, мне никто не покупал пиджаки у Бриони и Зенья, во-вторых, я и свои вещи на съемочную площадку приносил. Помните роскошный кожаный плащ, в котором разгуливал Белый? Мое личное пальто! Мы с отцом купили его в Америке, когда ездили туда на гастроли со спектаклем о Есенине. Я очень любил этот плащ, берег его, пылинки сдувал, а тут решил: раз пошла такая пьянка — гори все ясным огнем... После съемок даже забирать не стал, так удела вещь за два года, что шла работа над картиной.

— А перстень с бриллиантом на руке настоящий?

— Да.

— Тоже память о сериале?

— Именно память, но не подарок. Что вы! Там я такие «болты» на пальцах носил... Но камни в них, как вы, наверное, догадываетесь, были фальшивые — обычные стекляшки. И часы у Саши только с виду крутые. Якобы золотые «Радю» купили на рынке, кажется, за тысячу рублей. А этот перстень — да, всамделишный. Он мною специально для фильма приобретался, но режиссер забраковал: во-первых, говорит, бриллиант маловат, несолидно как-то для Белого, во-вторых, на мизинце носить кольцо не

фотограф Валерий Плотников

даже есть персональный кабинет. Маленький и пока еще не оборудованный, но свой.

— Вы сравнительно недавно обзавелись новым жильем. Пришлось напрягаться?

— Нормально! Я же не в Голливуде работаю. Чтобы построить квартиру, в долг брал, пахал, крутился. А как иначе? Но не хочу жаловаться. Пусть люди верят, что у актеров все по-другому, что мы живем где-то на небесах, не зная сложностей и проблем. Пускай!

— Надо бы о вашей семье поговорить. Слишком уж много вокруг нее слухов и сплетен.

— Спрашивайте. Или моего рассказа ждете? С Ириной Ливановой, ныне Безруковой, мы вместе уже лет пять. Из них два года состоим в законном браке. Растим двенадцатилетнего Андрея, сына Ириши от первого брака...

— Помню, много лет назад вы говорили мне в интервью, что никогда не женитесь на актрисе.

— В театре Ириша не играет, в кино снимается нечасто. С другой стороны, знает профессию, понимает ее особенности. Кстати, в прессе было много спекуляций на тему, якобы Ириша соблазнилась моей славой и популярностью, променяла бывшего супруга на более молодого и успешного. Глупости! Когда мы познакомились, у меня не было нынешней безумной популярности, как, впрочем, и доходов сегодняшних. Нет, сначала мы узнали друг друга вне профессии. Потом Ириша, конечно, стала ходить на мои спектакли, после премьеры неизменно спрашивала: «Как тебе удается это сыграть? Не понимаю!» Она спер-

ва увидела во мне мужчину, а после актера...

Загруженность Ириши позволяет нам часто вместе ездить на съемки. Например, сейчас я почти месяц прожил в Репино под Питером, где снимался у Рязанова, и жена была со мной. Так удобнее во всех смыслах.

«Хочу детей, и они у меня будут»

— Андрея с кем оставляете?

— Обычно мои родители приезжают и живут с ним. На выходные мальчика забирает отец. Андрей и каникулы всегда проводит с ним. По закону до достижения совершеннолетия ребенок обязан жить с матерью, но никто не пытается препятствовать родному отцу видиться с сыном, не перетягивает одеяло. Ситуация абсолютно цивилизованная, в этом смысле никаких проблем нет.

— А в каком смысле они есть?

— Между бывшими супругами отношения часто складываются сложно, не хочется их комментировать. То, что требуется от меня, делаю. Скажем, опять же по российскому законодательству ребенку полагается собственная жилплощадь. Поэтому мне пришлось фактически покупать две квартиры на одной лестничной клетке. Мы их объединили, и часть жилья теперь принадлежит Андрею. На этом настаивал его отец. Я подчинился. Повторяю, все, что касается меня, стараюсь честно и добросовестно выполнять, а за другую сторону не отвечаю. Знаю, кое-кому не нравится, что семья Безруковых живет благополучно и счастливо, но это не наши с Иришей проблемы. Завидуют? На здоровье! Как говорится, из вредности буду еще больше стараться. Хотя по натуре я совсем невредный...

— А как ваши родители с Андреем ладят?

— Нормально. Но вы, наверное, хотите спросить, ждут ли они, когда осчастливит их собственным ребенком, подарю внука или внучку? Ждут.

— Дождутся?

— Не сомневайтесь! Смешно читать газеты, которые дают нам с Иришей советы, как родить и все такое прочее. Обойдемся без сопливых, справимся. Я хочу детей, и они у меня будут.

— Бригада?

— В смысле четверо? Посмотрим. Мне ведь только 29 лет. Все лишь начинается. У меня планов громадье.

— Слышал, спектакль в «Табакерке» ставить собираетесь.

— Водевиль «Бледнолицый лжец». Вообще-то я хотел сыграть главного героя, принес пьесу, а мне говорят: «Сам и ставь!» Теперь вот мучаюсь, хотя отказываться от такого предложения не в моих привычках.

— Вы ведь еще и пишете.

— Стихи? Сейчас бросил это занятие. Стрёмно бумагу марать, когда играешь великих — Пушкина, Есенина. Лучше, чем у них, все равно не получится... К тому же как-то у меня родилось стихотворение, показавшееся пророческим, испугался, что сам себе накаркаю, и остановился.

— Что каркали-то?

— Я знаю: мне судьбой начертано сгореть, душой, как магний, вспыхнуть, погаснув, умереть...

— А с прозой как?

— Это к отцу. Он сочиняет пьесы, сценарии. Впрочем, я уверен, что могу писать, но мне это сейчас пока не надо. И так много всего. Надо распределить силы, расставить приоритеты. Меня все спрашивают: «Что будет дальше?» А я молчу.

— Что будет дальше, Сергей?

— Не скажу пока. Дальше будет дальше.

■ Андрей Ванденко.